

Павел Комаров

Советская повесть. История одной семьи

Павел Комаров

Советская повесть. История одной семьи

https://litres.ru/74986283
ISBN 9785007164320

Аннотация

История семьи от начала пятидесятых до девяностых годов. Обычная жизнь времен развитого социализма. Здесь слово советский только временная метка.

Содержание

Часть 1 5
1 5
2 17
3 27
4 34
5 46
6 53
7 59
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Советская повесть. История одной семьи

Павел Комаров

© Павел Комаров, 2026

ISBN 978-5-0071-6432-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

Павел Павлович родился в 1948 году на хуторе на Дону. Хутор находился в окрестностях станицы Вешенская, на правом берегу Дона.

Мать родила прямо в хате, в комнате. Она никуда не ездила, хотя больница была недалеко. Когда окрепла она смущаясь стояла на крыльце, пока родственники со всей деревни и недавно вернувшийся с войны отец смотрели сына. Она улыбалась, как будто ей казалось, что она не может иметь отношение к празднику, от которого столько радости, как будто она непричем.

Дома в хуторе были в основном глинобитными мазанками. Дома утопали в зелени. Во всех дворах были яблони, вишня, сливы и груши. В урожайный год не знали куда все девать, и даже свиньи не ели яблоки сливы, так было много. Пытались угостить соседей, но у тех и своего было море, и все пропадало. Деревня окружена расползающимися во все стороны огородами. Сама местность вокруг хутора изрезана балками заросшими дубками и орешником. Сады на краю деревни неизвестно где кончались, и в дальних закоулках местами уже не отличались от леса, со старыми давно не

плодоносящими яблонями, стволы которых покрыты мхом и лишайником. Там встречались волки. Павел Павлович видел волка всего один раз, но запомнил навсегда.

Крыши мазанок были из камыша. Со временем глинобитные дома заменялись кирпичными постройками, покрытыми шифером. Но камышовые крыши кое-где остались надолго. А на заброшенных маленьких домиках, где уже никто не живет, и даже не помнят чей это был дом, камыш остался по сю пору. Сведения о таком доме уже напоминали легенды. Тогда рассказывают всякие небылицы о ведьме, которая была туркеней, которую привез казак с войны, да и убил ее, а вскоре сам умер. Теперь по ночам внутри видны синие огоньки.

Уже позже, к шестидесятым провели хорошую дорогу, сделали свою больницу, школу и магазин. Родители переехали в небольшой кирпичный дом, а низенькую мазанку, стены которого были покрыты известью, использовали как свиной хлев, а после снесли и построили на месте сарай, а свиней перевели в специальный хлев с загородкой, а то из домика они часто сбегали, и пролезали как-то на огород. Хлеб со временем уже не делали сами, покупали в магазине, по восемь буханок за раз, погоняя за ним всю семью, когда давали две буханки в руки. Из пшеницы полученной или утащеной на ферме готовили кулеш уткам и свиньям в большой кастрюле на кирпичах посреди двора под которыми разводили огонь.

Деревня жила своим обычным порядком. На рассвете по

улицам собирали деревенское стадо. Пастух в кепке и пиджаке быстро шел по улице, ни с кем не разговаривая и глядя в основном себе под ноги, наступая сапогами куда попало, как будто ему было все равно, а из ворот выходили коровы, и присоединялись к стаду. Коровы оставляли деревню перед рассветом, как будто они были обитатели сумерек, как какие-нибудь лесные олени. Вечером коровы возвращались с пастбища. Пастух шел так же глядя себе под ноги, а коровы расходились по дворам, их запирали в стойла, где они затихали на ночь. Днем по хутору бродили стаи уток и кур. Утром гуси собирались в вереницу и важно уходили на реку. К вечеру суета затихала. Птица в сумерках расходилась по дворам, возвращались с реки гуси, куры-утки забирались в свои клетушки и засыпали до утра. Эти места упоминаются в романе «Тихий Дон».

 Упомянутое в предании меняет форму, становится чем-то незнакомым, как будто сразу забывает и предаёт тебя. Кто-то удаляясь обретает истинные черты, тебе незнакомые. Память указывает на то, что уже мало связано с тобой. Ты наблюдаешь искажение образа. Цепочка следов связывает вас, но цепочка на глине, которую движение литосферных плит унесло далеко. Связь может быть эфемерной, когда проследить эту связь можно лишь умозрительно. Но такая связь была раньше, а теперь нет. Для того, кто только проснулся солнце нагревающее линолеум на кухне, подтверждает уверенность появившуюся во сне, что-то покинуло тебя.

Детство Павла Павловича прошло в уединенной обстановке, что связано с расположением хутора. Хутор был соединён с внешним миром только по реке, даже хорошей грунтовой дороги сначала не было, дорогу построили значительно позже. Та, что была, в непогоду становилась непролазной. Весной и осенью хутор становился почти изолирован по суше для машин. Из-за изоляции речные заводи, ветви яблонь за окном, тиканье старых часов с грузиками, гул мух в комнате казались частью какого-то отдаленного мира, уже потом, в воспоминаниях, через много лет. Ребёнку, и это запомнилось навсегда, казалось, что жёлтые листья, плавающие на прозрачной воде в остальном мире не существуют. Старица отделенная от главного русла густым лесом, казалась местом, которое никто никогда не посещает. Зимой, когда деревья теряют листья и ложился прозрачный лёд, ветви, засыпанные снегом, это то, чего в большом мире не бывает.

Школа, где учился Павел Павлович, находилась в крупной станице Вешенской, и добираться до нее было настоящим приключением. Путь занимал около часа, в основном по размытой дороге, то есть по кустам вдоль дороги. Часто приходилось идти в холод или под дождём, по липкой грязи, покрывающей грунтовку. Деревенский подросток воспринимал всё как должное. В школе учились из разных хуторов и из самой Вешенской. Однажды Андрюха принес в школу кокарду, и ходил гордый, как тот, у кого что-то есть, а других никогда не будет, чем породил в других настоящую злобу.

Он со стороны вежливо и покровительственно смотрел, как другие эту кокарду смотрят.

Всё, и сама учеба тоже, давалось легко. Однако вскоре в хуторе построили свою собственную школу. Теперь он каждое утро не отправлялся в поход, не надеясь вернуться домой, как того и требует настоящее путешествие в котором кусты репейника у дороги страшные враги, а просто уходил на время, не мешая родителям по утрам. А до этого он был полярным первооткрывателем, хранящий в кармане сухарь-галету от которой вся твоя жизнь зависит. Теперь перед домом Павел Павлович давал кругаля по пустырям.

 Среди людей, среди машин, в дождь, или в очереди в магазине ты обезличен. В случае дождя ты лишь одна капля из множества. Ты нечто безвольное, лишенный личности объект природы, песчинка. То, что вместе с потоком исчезает. Например, упавшие листья на волнах. Для того, кто во власти потока по той или иной причине местоположение, а значит и самоопределение, не привязано к внешним объектам. Связи между вами нет. Это и есть поток абсолютной свободы.

Весной земля пробуждалась, и прямо у двора оживало множество насельников тихой жизни. Зимой воздух наполняет блеск снега, холод, который признобил руки на сгибе. Серый цвет, одинаковый у неба и снега. Мёртвые метёлки травы, сверкающий лёд на реке — прозрачный и синий, под который было видно медленно проплывающую рыбу. Как

будто ты обитал среди спящих. Весной всё менялось. Мир словно рождал существ прямо из пара. Всё оживало: раздавался голос птиц, отдаленный собачий лай, всплеск сазана в заводи в летний зной, дрожание листвы яблонь, сорвавшаяся с места трясогузка, запах дыма и навоза, стрекоза, замершая на стебле.

Однажды отец первый раз взял Павла Павловича на ту сторону. Они переплыли Дон на плоскодонке, которая казалась ненадежной. Под управление отца была самой прочной вещью на свете. И вот наконец-то Павел Павлович первый раз ступил на тот берег. Там где не было. Белое пятно на карте. Песок издает хрустальный звук и сам в глубине синеватого цвета. Камыш, следы цапель на песке, половинки жемчужниц на пляже. Ивы. Отец повел лодку вдоль берега, и наконец нырнул в протоку старицы. Камыши расступались давая узкий извилистый проход, кое где образуя крохотные озерца. Утром камыш освещался косыими лучами так, что было видно за стену стеблей немного дальше. Наконец они вышли в большое озеро старицы. Отец проверил свои морды у дальнего конца старицы, под самым лесом, смахивая насекомых сверкающим дождем сыплющихся с листьев кувшинок. Подплывая, он поднимал морды, которые лежали не на дне а корнях рогоза. Озеро охватывало кольцо вечного леса. Павлу Павловичу послышалось, что кто-то зовет его.

Уже потом, по утрам, на рассвете, пока воздух еще ночной, холодный, к двору Павла Павловича прибегал Серега, и

тихо скребся, чтобы не разбудить родителей и не получить по шее, как один раз и было. Павел Павлович вылезал в окно, и они бежали к лодкам, по селу где их в это время никто не видел. Они брали плоскодонку деда Ивана, который если их видел то каждый раз страшно ругался и грозил своим костылем, но ничего бы им не сделал, и никогда не пошел бы к отцу жаловаться. Они уходили в старицу ставить рваную сеть, которую Павел Павлович нашел как-то на улице. Сеть выкинули из-за того, что она пришла в полную негодность, но Павел Павлович схоронил ее, как драгоценность и показал Сереге. И они с Серегой дико ругаясь друг с другом в гараже, сумели как-то ее починить, им так казалось. Они на лодке Ивана переплывали Дон, не встречая на воде никого. Хотя их конечно видел Тимофей, вечно сидящий в одном месте на той стороне в кустах, с удочкой и в своих вечных валенках. Дед Тимофей их конечно видел, но даже не обращал внимание, как будто видел облако или цаплю. Отправлялись они обычно еще в сумерках. На той стороне уходили в старицу, и проходили по протоке, где на корягах выползали змеи погреться, к этому моменту уже показывалось солнце. Поэтому вести лодку приходилось очень осторожно, хотя змеи уползали или падали в воду сами. Озеро уже было залито светом. В озере Серега прыгал в воду и аккуратно заводил снасть на границу зарослей, при этом так кричал то ли от холода, то ли от возбуждения. Орал: -Дурак! Веди сюда! Да не так! Придурок! Серега распугивал всю рыбу, и

влезши обратно в лодку, и пока натягивал штаны и рубаху долго верещал рассказывая как корни коряги, а тут должна быть красноперка а может и сазан, точно говорю, сазан. В сеть иногда попадались огромные плотвицы, с ладошку каждая, по три четыре штуки.

Павел Павлович с ребятами часто уходили к совхозу — там, сквозь пальцы, смотрели на то, что они крутятся возле лошадей. Сказывалось казацкое прошлое. Пацаны даже сами водили лошадей на водопой. Они катались верхом, сидя прямо на спинах, без седел, только с уздечкой. Отъехав в сторону, они устраивали свои бои: скакали на лошадях и лупили друг друга палками, изображающими шашки. Взяв веточки, вставляли их в картузы, и убитым значился тот, у кого удавалось сбить такую веточку с головы. Андрюху старались ударить плашмя со спины, что бы было особенно больно. Он плакал но не жаловался, и даже не замечал, что что-то не так, чем вызывал еще большую злобу. Это не имело никаких последствий для него, слишком он был силен.

С пацанами ошивался Николенька, он был старше на три года, и часто оставался на второй год. Старшие пацаны его шугали, и он общался с одноклассниками сильно его меньше. Его мать давно умерла, и его воспитывала бабка, которая уже едва могла дойти до калитки, а чаще просто открыв дверь наблюдала за птицами и козами из дома, лишь по утрам, когда тяжело дыша выходила во двор. Николенька подворовывал чего плохо лежит. Заходил в чужой двор, и

если его замечали, он отойдя на безопасное расстояние ругался с хозяевами. Бабы грозили ему поленом, а с мужиками он не связывался. Он бродил за пацанами, все время что-то задумывал, но планы его были такие несуразные что его не слушали. Например сделать брагу из слив и подлить ее в корыто к свиньям, так свиньи взорвуться изнутри потому, что у них маленькая голова. Положить кирпичей на углу накрыв их мешком, чтобы поймать шпиона, сев в засаду за плетнем — все и так знают, а шпион пнет мешок и сломает ногу. Залезая с пацанами в заброшенный сарай хотел, что бы ему показали писюн, он типа слышал, что доктор говорил как выглядит тайная болезнь которая может всю жизнь повредить. Его никто не слушал, и чаще он валялся в траве неподалека и счастливо улыбался, либо торчал головой из зарослей, и все чего-то наблюдал.

Обычно с пацанами гуляли на этой стороне Дона. В тот день было особенно жарко, но зачем то Николенька притащил канистру бензина. Он увел пацанов в чащу тальника у реки. Тальник рос очень густо, в нем было темно и сыро. Отмахиваясь от насекомых Николенька шутил и гыкал, он говорил, увлекая все глубже в заросли о которых никто и не знал, сюда просто не ходили:

— Пойдем чо покажу, да не ссы.

В чаще он облил Серегу и веселился поднося к мокрым штанам солдатскую зажигалку:

— Хочешь зажгу?

А потом взял и на самом деле поджег, и даже сам отступил от удивления, что так получилось. Лишь потом бросился тушить. Серега с воем выскочил из кустов как раз под ноги проходящим взрослым. Серега попал ненадолго в больницу, где он ждал пока раны заживут. На всю жизнь он приобрел страшный шрам во всю ногу, к которому все быстро привыкли, и Серега продолжал бегать как раньше, а на шрам никто не обращал никакого внимания. А Николенька загремел в колонию надолго, и больше о нем никто не вспоминал и не хотел других расспрашивать, как будто он сгинул.

 Сломанная веточка указывает на то, чего больше нет. На то, что больше бесполезно звать. Рыба в океане умирает, и распадается на частицы, которые уносит поток планктона. Поток сам по себе прекрасен, представляя собой существ в круговороте невесомости. Но это уже жизнь другого порядка, не связанная ни с тобой, ни с рыбой. То, что бесполезно звать.

Павел Павлович рос. Однажды отец обновлял крыльцо, и Павел Павлович, который ему помогал положил молоток далеко. Отец сунул руку, нет молотка:

— Пашка, так твою растак, где молоток? Дал бог помощника! У тебя руки под член заточены! Весь дом рухнет если таких как ты попросить веревки для матери повесить! Рухнет к чертовой матери! Дай сюда и не трогай никогда больше! Иди отсюда, чорт.

И продолжил прилаживать половицу. Павел Павлович ти-

хонько отошел, взял у забора ветку акации с шипами, и подойдя сзади перетянул отцам по спине, после чего бросился бежать. Отец от удивления оглянулся. Что это? Увидел убегающего Пашку, брошеную ветку, но ничего не сказал, и ничего Пашке не сделал, а продолжил делать крыльцо, почесываясь от боли и усмехаясь в усы. С тех пор всегда когда что-то делал оглядывался.

Уже взрослым Павел Павлович наблюдал медленное и всё меняющее течение памяти. Он, вероятно, иногда вспоминал, как в детстве пацаны скакали на лошадях без седел, дрались палками и уезжали на ту сторону Дона. Он помнил, как весной, когда земля парила, бродил с ружьём по старым садам, переходящим в овраги, спускавшиеся к реке, где можно было даже встретить волка. Помнил как присаживался на корягу и грелся на солнце. Пока он курил у коряги выползал крот, который почуяв его не спешил показываться из кучки земли, и которых Павел Павлович стрелял из ружья. Если потом раскопать кучку крот был там. Но эти воспоминания никогда не складывались в цельную картину — они были лишь частицами в реальном потоке памяти. Поэтому воспоминания не могли считаться его собственными — они становились частью мысли вообще, уходили и исчезали. Со временем Павел Павлович наблюдал, как со временем образы из детства искажаются и гаснут, все кроме пары тройки.

<i> Бабочка оставит следы на пальцах — это и есть основа ложной уверенности в существующей между вами связи.

На песке валяются раковины жемчужниц — как проявление подводной жизни, которая не дает отчета, как стрекоза, которую никогда не поймать. Это жизнь недоступная тебе, к которой ты прикоснулся случайно. </i>

2

Школа подошла к концу. Павел Павлович прошел медкомиссию, и как положено казаку с Дона, был отмечен как обладающий высоким ростом и отменным здоровьем. После прохождения медкомиссии Павел Павлович был направлен во флот. Отец ему ничего не сказал, да и никому ничего не сказал, просто стоя с мужиками, понимал, что все и так знают, что его сына взяли во флот. И мужики ничего не спрашивали, делая вид, что это само собой, что в этом нет ничего такого. Когда к отцу обращались, он выслушивал молча и степенно.

Медкомиссия была в октябре. Осенью окно было забрано желтыми листьями просвечивающими в неярком свете. За окном был забор, а перед ним, как всегда, палисадник из деревьев, за которыми, как всегда, никто не ухаживал. Кусты теряли листья перед холодами. Врачи что-то писали в своих бумагах, а Павел Павлович уже мысленно отправлялся в путь. Сначала в училище, затем на службу в бухте Севастополя.

Автобус уходил рано утром. На площади собрались родители, деды. Проверяющий посмотрел баул Павла Павловича и говорит:

— Где отец!

Отец посмотрел и послал заменить рюкзак. Наконец все собрались. Матери и сестры как водится всплакнули, отцы напились. Автобус закрыл двери и поехали. В основном все ехали первый раз за пределы хутора. Первую часть дороги вместе, одной компанией Серега, Павел Павлович, Андрюха, Ваня, и Тимоха. Сначала веселились в автобусе, потом затихли, пришла грусть которая быстро сменилась ожидание, потом все заснули. Приехали на пункт, дальше, они расстались, и Павел Павлович отправился на море.

 Когда кто-то уходит, он пересекает границу. Граница города, дома, родины в смысле знакомого окружения — куста чертополоха у перекрестка, колодца, берега реки где деревья расступаются и песок усыпан опавшими листьями. Когда-то думая о будущем ты представлял этот берег там, в будущем. То есть граница, это граница реальности. Тот кто ушел стал другим. Никакого взаимопонимания не будет. В этом, в том числе, пример ответа на вопрос к различным религиям, а скорее к суевериям, о том, почему мертвые никогда не приходят к живым.

Павел Павлович спустя годы часто рассказывал о своих путешествиях упоминая, что объездил весь мир: Куба, Австралия, Индия, Китай, Сингапур, Малайзия, Мадагаскар, Средиземное море. Он вспоминал, как мерз на палубе у по-

бережья Крыма зимой, как задыхался от жары у Альтернативу, восхищался бескрайними просторами Тихого океана и заходил в порты Индии. Однако с годами эти рассказы обрастали атрибутами фантазий, и больше походили на выдумку чем на реальность. Даже по здравому размышлению казалось, что его рассказы о службе во флоте были лишь поводом для проявления игры воображения. Так, например, военные морякам, кем он и был, редко покидали корабль, да и к берегу подходили не часто. Поэтому такие детали, как прогулки по портовым улочкам, скорее всего, были вовсе невозможны и перекликались скорее с мифами о прошлом моряков семнадцатого века, где спор решает браунинг. Но для него эти воспоминания с течением времени стали казаться более правдивыми, чем они были на самом деле, и его самому выдумка была дороже правды. А тому, как эта выдумка совпадает с реальностью, его не заботило вовсе, и в этом он был абсолютно честен.

Павел Павлович сохранил какие-то реальные доказательства и службы и совершенных путешествий. Например, у него были фотографии в форме, снимки на палубе корабля с пушками на фоне гор. На карточке он делал стойку на руках, опираясь на стволы орудий, при этом самодовольно ухмыляясь. Никаких фотографий из южных стран не было, да видимо и быть не могло, фотографа на борту не была и мог он тудам попасть только в Крыму. Павел Павлович больше верил

своим воспоминаниям, чем мертвым фотографиям, больше всего его забавляло придумывание новых деталей и оборотов какого-то определенного приключения.

 Рассказ передает путешествие как процесс. Смысл такого процесса выражается через абстракции и метафоры. Смысл имеет отношения к покинутой реальности, к дому как к точке возвращения. Но в ходе путешествия неизбежно в памяти остается лишь нечто новое, или то, что не может быть до конца отражено конкретными обстоятельствами, как обобщение впечатлений. Подобное умонастроение возникает особенно, если тебе удалось попутешествовать много. Смыслов в таком рассказе так много, что возникает что-то новое, как чужое лицо.

С Павлом Павловичем на корабль пришел Юрик. Какой-то застенчивый, улыбчивый и очень тихий матрос, как все высокого роста и широкий в плечах. Был Юрик из сибирского села, из которого просто выбраться уже было путешествием за три моря, хотя бы потому, что райцентра было четыреста километров. Он был робкий и добрый, и хотя вырос в сибири. Парни часто дрались, и даже иногда те, которые болтались после школы ожидая армии забредали в школу, где приставали к старшеклассникам, чтобы повеселиться и подраться. Почему-то именно Юру никогда не трогали. По прибытии на корабль боцман посмотрел на Юрку чуть доль-

ше чем на всех, как бы немного опешив, но не подав вида. Боцман тогда никому ничего не сказал. Юрка все делал радостно, как будто чувствовал благодарность за то, что оказался на море, на корабле, и будет легко и радостно служить.

Утром в тропиках из леса поднимается туман, который снизу почти незаметно, но чуть выше, в горах, который покрыты зарослями до самой вершины. Этот туман свивается в жгуты, образуя рваные облака, который на стенах гор не застывают, а меняют форму безо всякого ветра, спускаясь и поднимаясь, как будто переговариваясь или показывая какой-то процесс живого организма. Днем эти облака исчезают совсем.

 Отблеск от луча в чайной ложке. Перенос внимания, вспышка открыла вид на ту сторону. Набережная из белого камня. Пальмы, бары и рестораны, и все в белых штанах. Не ясно на кого указывает огонек. Вид набережной в деталях созданный воображением лишь отражает сожаление. Двери баров, матросы на плитах, листья платанов, стулья кафе выставленные прямо на набережной, все лишь подтверждает недоступность. То, что не имеет смысла, но по значению оно гораздо реальнее.

Во время долгих переходов матросы развлекались так же как и сотни лет назад. Так, выбрав какого-нибудь матроси-

ка, подговаривали его подать на день рождения старпому тарелку мослов, объяснив, что это то, без чего он жить не сможет. А потом смотрели как старпом, у которого остался во рту один зуб, чтобы держать цигарку, бегал со шваброй по всей палубе за испуганным матросом. Смотрели и смеялись. Смеялись без остановки три дня и две ночи. В переходе Порт Артур — Сан Паоло достаточно было обмолвился об этом эпизоде, и часами от хохота трясся весь корабль.

Павел Павлович видел в Индийском океане как к поверхности понимаются манту, морские дьяволы, которые медленно плыли по солнцу, видимо совершая движение которое начали еще миллионы лет назад, вовсе не замечая военный корабль. Вблизи было заметно, что их сопровождали прилипалы, и целая стая разноцветных рыб которые сопровождали манту. Как медленно плывут черепахи там, где никаких берегов не видно. Видел странные области в центре океана где нет никакой жизни, резко отличающиеся от таких же, где жизнь кипит и на поверхность падает целый дождь летучих рыб.

Юрку в селе ожидала Юля. Вернее он так думал. Сама Юля об этом ничего не знала. Он никогда с ней не разговаривал, и даже не подходил близко. Он просто иногда видел ее на улице. Ему было достаточно тепла от осознания того, что она здесь. Юля для него было красива красотой, которая

обещает иную жизнь. Юрику было достаточно того, что он ее просто видел. В армию Юрка ушел держа этот светлый образ в памяти, прекрасно понимая, что не имеет на это никакого права. Он даже не представлял ее как свою, ему было достаточно того, что она просто есть. И жизнь далее представлялась просто как их свадьба, и для него это было просто и естественно.

На службе Павел Павлович поглядел мир. Уже потом Павел Павлович рассказывал, как моряки меняли мыло на бананы в портах Индии или апельсины на Кубе, спуская на веревке ведро, куда клали кусок мыла мылящегося в соленой воде. По его рассказам легко можно было представить себе джонки с гребцами в чалмах, снующие между кораблей, что видимо было легендой, которая было прочнее воспоминания, как будто легендой он дорожил, а воспоминаниями нет.

Во время стоянки матросы иногда рыбачили. Забрасывали крючки на длинной леске под строгим надзором боцмана, который только делал вид, что не смотрит как матросы отдыхают. Пойманную рыбу складывали в ведра, которые внимательно обследовал кок. Или рыбу снимали рыбу с крючка из нижнего иллюминатора, если поймали какую-то экзотическую добычу, и которую точно утащит Пацюк на офицерский стол. Рыбу надо было успеть заметить раньше кока, который зорко бдил при подъеме. Заметив, еще нужно было

успеть снять с крючка бьющуюся добычу через иллюминатор. Брызги воды рождали шторм света от которого можно было на короткое время ослепнуть. В паре с Павлом Павловичем работал Юрик. Он легко и быстро справлялся с делом, сказался опыт северной рыбалки. После, эта сверкающая рыба разделывалась подальше от глаз начальства, и варилась в баках или на трубах, с солью и перцем который удавалось утащить с камбуза. Тропическая рыба разделывалась, рассыпая чешую, и разбрасывая свет по стенам каюты. Павел Павлович в таком рассказе представал как обитатель глубоководной пещеры, как будто он полностью переродился в морского жителя, рассказывал нечто незнакомое, как рыба умирая в глубине пещеры перерождается в тихий шторм света и так покидает этот мир.

<i> Когда путешествие длится долго теряется представление о цели. Память о родине покидает или искажается и теряет краски, либо приобретает незнакомые черты. Можно так сказать, что какое-то время дух который шел рядом оставляет тебя. Путешественник, обернувшись, видит, что того, кто бы помнил тебя, уже нет. Но тебе все равно, и это самое худшее. Например, след насекомого на песке, на тихой отмели за камышами, будет в новой жизни не связан с той заводью под ивами, которую ты покинул. Забавно, но если продлить цепь рассуждения, то станет ясно, что само время становится целью, словно экспедиция стремится преодолеть

вечность. До этого цель измерялась расстоянием до оставленного дома </i>

Однажды, дело было во время длинного перехода по северным водам, Юрка получил письмо. То есть корабль вошел в порт, а туда доставили почту. В числе новостей из села между других было написано, что Юля вышла замуж за Дениса. Денис был алкаш, которого никто в селе не уважал. От этого ему стало невыносимо больно. Прочитав письмо Юрка ничего никому не сказал, просто нашел укромное место под лестницей и повесился. Его вовремя нашли и спасли. Случившийся при этом боцман дал ему пудовым кулаком в ухо, а после так загонял мелкими поручениями, что тот не только забыл о письме но и слегка похудел. Он кидался чистить даже чистый кнехт. По крайней мере со стороны все выглядело нормально, так что инциденту не дали хода. Только вот боцман продолжал смотреть него тревожно. Из команды об этом больше не говорили. После армии он писал Павлу Павловичу. Женился, родил сына, работал в лесхозе.

Уже после Павел Павлович рассказывал про путешествия обычно детям, запершись в квартире, на кухне, зимой, почти ночью. Океан не достигает тех мест, где звучит рассказ, и тогда рассказ становился историей, никак не связанной с окружением, и конкретно с океаном. Реальность кухни, стены которой до двух третей покрашены зеленой краской, а выше

побелены, подсказывают, что никто никуда не уезжал. Что океана нет. Ничего вообще нет. А океан, ничего с этим поделать не может, поэтому он сильнее всего, и он здесь. Рассказ не опирался ни на что из реальности, будучи формальным поиском в чистом виде, ничем не обязанным даже океану, поэтому рассказ был более реален. Спор решает браунинг.

3

После армии Павел Павлович вернулся в деревню. Он высадился с автобуса и зашагал по хутору, который за три года ничуть не изменился. Он шел с чемоданчиком, в морской форме с иголочки, привлекая взгляды всех кто встречался по дороге. Кто-то конечно сломя голову огородами побежал к дому рассказать новость. Когда он свернул в родной переулок спрятанный в яблонях, и подходил к дому, мать уже выскочила на дорогу, забыв, что возле курятника под шиферным навесом готовила в огромной алюминиевой кастрюле кашу из перловки для уток. Увидев Павла, она сразу заулыбалась, и когда он вошел, суетливо ушла в хату и принялась готовить вечерять, вынула миски, доску, ножик, а потом не в силах перестать улыбаться опять вышла на крыльцо.

Скоро пришел с фермы отец, и сразу, без остановки началась гульба, по святому обычаю тех мест, как будто они сразу бросились в воду, а за ним остальные. Была водка, соседи, друзья-товарищи. Пришел даже дед Павел живший на другом конце села, про которого знали, но видели редко. Пришли даже дядья Глеб и Яков, которые не любили отца Павла Павловича потому, что когда вместе служили, он, будучи взводным, вылил ведро водки на землю перед атакой. Всех перебили, а они выжили, но все равно водку ему не прости-

ли. Зарубили кур, уток, сварили уху из мелких сомов, чистых, живших на песке, так как их поймали на стремнине у песчаного пляжа. Мать сделала рыбный пирог с луком и картошкой, наварили лапши.

 Возвращение это многозначный образ, в котором пересекаются множество мотивов, в том числе и тема завершения путешествия, а значит и подведения итогов. Когда-то давно путешественник выходил на дорогу, услышав чей-то неясный голос, надеясь на что-то. Даже шуршание снимаемой папиросы подтверждает, что звук постукивания пальцем по коробке уже из новой жизни, значит что-то началось. Прошлое исчезло как сон, и все твои помыслы теперь обращены только вперед, как у кузнечика который прыгая не думая о дороге назад. Теперь же, по возвращении ясно, что в ходе розысков не найдено разрешения. Возвращение, в таком случае, это завершение поиска, показавшего безосновательность попыток найти рай.

Остальные пацаны, отправившиеся с Павлом Павловичем служили всего по два года, поэтому давно вернулись в деревню, и уже не вспоминали сержантов и казенную кашу с тушеной капустой. Несколько дней он радовался возвращению. Потом Павел Павлович почувствовал себя потерянным. Ты утром выходишь покурить к забору, хорошо видно людей, идущих по своим делам. Вот бабы везут бидоны на тележке.

Вот куда-то проехал Степан, распугав кур на дороге, которые разбежались, а потом сразу вылезли обратно. Вот Иван Ильич заводит мотоцикл уже целый час. Вот вьюнок на заборе весело играет с солнечными пятнами. Раньше это приносило много радости, теперь он и так прекрасно понимал куда повезли бидоны, куда поехал Степан, и уносился мысленно с Иваном, выходным сегодня, поэтому ехавшим в соседний хутор, к куму, у которого появились козлята. Видел, что Степан на обратной дороге обязательно заедет навестить тайную заводь, посмотреть как идет рыба.

 При рассмотрении завершенной экспедиции получат значение вещи из прошлого, которые в реальности такой ценности не имели. Это признак того, чего уже не будет. Тогда начинает работать мечта. Рассвет, когда слышен разговор леса из сна, который распространяется везде, а не начинается за рекой. Еще живые раки пойманные дедом в полночь. Кусок хлеба забытый на столе. Яблони, согнувшиеся под тяжестью зеленых плодов. Те вещи, которые говорили с тобой в период детства, а потом затихли. То есть картины из памяти указывающие на конкретные детали, однако не те, что были в реальности.

На третий день Павел Павлович вышел рано утром. Он встал как обычно на рассвете, тихо собрался, вышел за ворота и как всегда зашагал к берегу. Прошел до берега всю

деревню, безлюдную в этот час, отвязал плоскодонку, в которой скопилась вода. Вычерпал воду, спустил лодку, вышел из заводи и уплыл на ту сторону Дона, в старицу, ставить сеть на красноперку, по самой границе камыша в заводи. И еще хотел закинуть морду в своем тайном месте у подводной коряги. В лодку, при движении в узкой протоке с травы сыпался разноцветный дождь насекомых. Все было не так, и горечь почувствовал Павел Павлович уже пока шел по деревне, еще далеко от реки. Теперь он здесь как взрослый, тот, кому не удалось выбраться.

Приходил Серега, который мог часами говорить стоя у забора, так что выйти покурить могло длиться по два часа. Казалось, что он может говорить бесконечно, совершенно не утомляя и не повторяясь. Он вся расспрашивал про город, про службу, хотя и сам отслужил рядовым далеко дома. Сейчас он и как будто серьезно собирался в техникум. Он приходил поговорить об этом часто, как только видел Павла Павловича у забора.

Также отслужил и Андрюха. После армии он попал ненадолго в колонию за драку по пьяному делу, и чуть кажется на праздновании прихода с армии. Как водится все напились, а потом как положено подрались, пока мужики смотрели а бабы суетились одного серьезно ранили, и он отправился в колонию как на побывку на два года. Павла Павловича тут не

было, он не видел возвращения Андрюхи, но Андрюха будто и не уходил никуда, лишь временно отлучился, слишком он был какой-то надежный, и ничего с ним не могло произойти.

 Вернувшийся, путешественник убеждается, что проект путешествия с самого начала был обманчив, и является скорее синтезом, на основе услышанного в странствиях неясного зова, памяти, искаженной расстоянием, и твоим собственным желанием видеть реализацию мечты. То есть поиск мечты, при этом сам образ был синтезирован воображением. Вольно или невольно, возвращаясь, ты идешь только вперед, отчего мысль о возвращении становиться все более размытой, то есть само возвращение было еще более обманчивым замыслом.

Павел Павлович вернулся со службы во флоте в родной дом, разумеется, только для того, чтобы определиться с дальнейшими планами. Родители знали, что птенец выпал из гнезда. Все понимали это, и никто не удерживал. Дядья приносили по вечерам водку и обсуждали его будущую работу в совхозе, но это было так, несерьезно, в виде рассказов всяких баек, и вскоре забывали о нем и оборачивались к своим делам. Они и сами понимали, что пришли побазланить о своем под водку.

Взрослая жизнь в деревне вращалась вокруг водки. Вод-

ку в деревне пили из стаканов, кружек, чайников, тарелок, мисок, тазиков. Например, привозя с собой на природу канистру самогона и разливая его во всю доступную посуду. Жизнь взрослого была пьяным угаром. Так поступали монахи одного запрещенного буддийского ордена в Японии, мумифицируя себя заживо.

Павел Павлович поступил в заочный политехнический институт. Это было тем легче сделать, что служившие на флоте имели бронь и послабление на экзаменах, так как служба на флоте занимала не два года как в армии, а целых три.

А Андрюха, вернувшись из тюрьмы так никуда не уехал, так и остался на хуторе, как несгибаемый, и тот, кто даже не замечает той жизни, что снаружи, вернее он ее и замечает, и понимает больше других, но испытывает полное презрение к тому, что не может предложить ему ничего хорошего. Он ничего никому не сказал из уехавших, и их отъезда даже не замечал, как репьев на штанине. К тем кто потом приезжал на хутор в отпуск проявлял искреннее радушие, как к чужим.

Для Сереги движение в город завершилось, когда он, уже на пенсии, когда никакой фермы уже не было, стал ездить в Москву на смены охранником. Он уезжал на целый месяц, и охранял какую нибудь зону отдыха под Москвой, где у него

была теплая бытовка, или какая-нибудь подсобка в помещении, где можно было прожить месяц, хоть не уезжай домой. Это были уже конец девяностых — начало нулевых. Денег он привозил мало, но для старика в деревне получалось неплохо.

В институте Павел Павлович и познакомился с Ириной Николаевной.

4

Ирина Николаевна была городская. Она выросла в семье военных. Отец Ирины Николаевны воевал. Он вышел из училища в сорок четвертом и сразу попал в действующую часть, а закончил войну в Варшаве, и после дослужился до полковника. Жили они сначала в ГДР, что и было записано в свидетельстве о рождении Ирины Николаевны. Так и было записано — место рождения ГДР, Карлмарксштадт. Потом они как все военные жили много где, по гарнизонам всего юго-запада, во Львове, в Ровно, пока не осели в хорошей трехкомнатной квартире в Кишиневе, которую получили потому у них было двое детей. В Кишиневе они осели уже к моменту, когда Ирине Николаевне исполнилось четырнадцать.

Кишинев весь покрыт зеленью, и стены всех пятиэтажек покрываются виноградом, плети которого доходят до самой крыши. Земля в сезон покрыта грецкими орехами, сначала кожурой, а потом и самими орехами, и скорлупой. На всех улицах раскидистые каштаны, такие развесистые, как будто они даже и не прячутся, все равно никто не поверит, а каждый каштан выглядит как замок, а вернее дворец. В старом центре целые аллеи платанов.

В школу ее перевели, то есть класс она не знала, но быстро

со всеми подружилась, и общалась так, словно она выросла со всеми. Все быстро подружились, вызывал интерес один только Олег, который вел себя так, словно он не заметил появления нового человека в классе, словно он был озабочен более интересными делами, и не обращал внимания на такую мелочь, а смотрел дальше, относясь как к должному, что в класс может кто-то прийти, кто-то уйти. У него были более важные дела.

Квартира, которую получили родители Ирины, находилась в новом районе города, где стояли пятиэтажки, с просторными зелеными дворами. Каждый двор казался лесом. Вид с балкона был как в тропических зарослях, когда видны только ветви каштанов, большие листья грецкого ореха, мягкие листья лип. Когда приходила Танюха чтобы идти играть ее было хорошо видно с балкона. Она просто садилась на скамейку у подъезда, в виноградной беседке, здесь все подъезды были такими, и могла сидеть сколько угодно, как будто ей важны не их разговоры и игры, а жара, мушки над арбузной коркой, медленно движущееся пятно света под ногами, и могла так сидеть вечно. Ирина выходила из подъезда быстрым шагом, и не глядя на нее командовала на ходу:

— Танюха, подъем!

Чтобы попасть в роскошный парк, где были рощи дикорастущих грецких орехов достаточно было только перейти

дорогу. Внизу в основном массиве, был каскад из трех прудов. Вполне достаточно, чтобы думать, что цепь прудов бесконечная. По берегам в траве прятались толстые лягушки. Вдоль прудов шла длинная широкая дорожка, по которой бегали от инфаркта пенсионеры. Танюху можно было увести за собой куда угодно далеко, и Ирина заходила с ней на холмы, откуда словно было видно всю Молдавию. Танюха просто садилась в сухую траву, и сидела, все равно как на лавочке.

Орехи росли по склонам холмов. Это начинались холмы той самой Трансильвании, то есть с той стороны Европа, а здесь по сухим Карпатским холмам бродили гуцулы. Ореховые рощи образовывали террасы над городом. По осени можно было гулять в парке как в лесу, и собирать орехи, утаскивая домой добычу. Орехи собирали еще в зеленой кожуре, которая усыхала, чернела и лопалась. Орехи собирали еще зеленые, в кожуре, крепкие и пахнущие йодом. Собирали прямо с земли, дотягиваясь до веток или залезая на деревья. Потом орехи сушили на балконе, разложив на рогожке, и вынимали из высохшей оболочки. Высохшие орехи, половина из которых оказывалась испорченными жучками, складывали в мешок на балконе, где их благополучно забывали на века. Такой мешок был на каждом балконе в городе, и все равно орехов было так много, что этот ущерб ничего не стоил. Мама иногда ныряла в бездонный куль, доставала орехов, и делала ореховые булочки. Где орехи не росли, бы-

ли мелкие оливки, дававшие белые невкусные ягоды.

Точно так и виноград обвивал все что только можно. Растущий сам по себе виноград был изабеллой, и был очень вкусен, если его съедать прямо сорвав с ветки, и сразу есть по многу ягод. Никак по другому его есть нельзя было, даже будучи положенным в миску виноград сразу лопался и начинал гнить, собирая вокруг себя облака безвредных мушек. Из этой изабеллы кое-кто делал домашнее вино, как-то там выдавливая сок, сливая сок в банки, которые запирали с воздуховодом, выводя его под воду, или как-то иначе, одним словом придумывая что-то. Выходила обычная кислятина, по вкусу просто плохой перебродивший виноградный сок с прекрасным конфетным запахом изабеллы.

Ирина Николаевна выросла так, что не пересекалась с деревенскими. На рынках, куда она ходила с мамой в ГДР, или позже, в походах по Молдавии, будучи уже школьницей, она часто видела крестьян, таких же людей, только совершенно непонятных. На рынке деревенские бабки продавали огурцы, черешню или мед в сотах. А в отделе кулинарии продавали очень вкусные голубцы с овощной начинкой, так же как и большие мягкие сильно пахнущие абрикосы, которые казалось невозможно взять в руку как повидло. А вот на улице стояли ряды, перед которыми лежали тыквы самых разных форм, а сзади было пространство у забора где продава-

ли коз. Пока мама что-то выбирала ей бабушки давали малину в кружке, холодную и покрытую тонкой росой, где среди ягод была маленькая гусеница свернувшаяся в шарик, и тоже покрытая росой.

Такие встречи с крестьянами составляли лишь часть колорита похода в город, под защитой мамы, не более того. Да и город был часто чужой и незнакомый. Папа был военным а мама из семьи служащих, то есть оба были далеки от земли. Крестьян Ирина Николаевна не понимала, и это непонимание было очень серьезно. Продавщицы на рынке смотрели не так и не туда, как будто они смотрят тебе за спину далеко далеко, и что-то там видят. Как будто они могут очень сильно осуждать, но по каким-то своим правилам.

Ирина Николаевна и Павел Павлович сошлись во время сессии заочного политехнического института, в Москве. Весна раздувала коридоры и аудитории института, стены исчезали, и студенты словно не сидели на занятиях, а плавали в потоке с листвой, запахом сирени, уличным шумом, свободно входящим в помещения, бессонными ночами, прогулками по набережным Москвы. Разговоры между экзаменами были настоящим содержанием происходящего. Не сами разговоры, конечно же, а ощущение силы, красоты, бурной радости, и того, что они стоят в самом начале всего, чего-то великого и прекрасного, что еще не началось, но обязатель-

но будет.

После школы никуда Танюха не уехала, осталась в Кишиневе, среди пятен света на платановых аллеях, среди почек лип и берез засыпающих всю улицу, средь особой тишины улочек старого города, где люди живущие в старинных домах с толстыми стенами кажуться вечными, а видишь их в арке дома очень редко. Танюха не удалилась от виноградных беседок у каждого подъезда, где квартира на углу дома казалась частью старинного сада. Танюха стала продавщицей в хлебном, который был крохотной комнаткой в полуподвале соседнего дома. Парк с прудами начинался прямо за домом с хлебным.

 Отторжение это признак среды, которая тебя не примет. Причем может и специального способа против тебя и нет. Ты просто уйдешь, как тот, кого ничто здесь держит. Как частица, которая не попадает под действие притяжения. Частица которая, даже хаотически двигаясь, неминуемо окажется далеко отсюда.

Была семейная легенда, о том, как именно они познакомились. На экзамене, взяв билет, Ирина Николаевна поднималась по ступеньках аудитории, и заглядывала в листы сидящих, какое у кого задание, чтобы подсесть к кому-то кто делает то же самое. Она спросила Павла Павловича про то

какой у него вопрос. Он ей ответил что-то такое, что она засмеялась. Она смеялась одна, она не была в этот момент в аудитории. Это женский облик над морем, над горами, где полет не может быть задержан ничем, и совершается там, в космосе, где любовь и теплота никогда не найдут адресата. В конце концов ее вывели из аудитории. Этот чистый женский смех, не привязанный ни к чему, кроме радости и счастья самим по себе, смех без всякой причины и повода. Смех из той жизни которая не знает времени.

Павел Павлович сразу почувствовал разницу между ними при попытках сблизиться, когда возникло непонимание на уровне базовых основ. Но при начале знакомства это было лишь настроение. Проблемой это ощущение стало позже, когда стало ясно, что этому есть какая-то причина. Например, утренние процедуры вызывали в нем бурный восторг, он начинал шутить, цепляться, брызгаться и смеяться. Такое же возбуждение могло быть в преддверие сытного обеда, когда Павел Павлович входил в раж какого-то веселья, нарезая хлеб с прибаутками и яростно наяривая его чесноком, каждый раз то ли с пословицами, то ли с мудростью веков — хлеб всему голова! Ирина Николаевна потом говорила — козлошутки. Павел Павлович, или его родственники, в ходе довольно редких встреч, могли входить в комнату, и сразу начинать разговор. Павел Павлович считал, что для семейной жизни в этом нет ничего страшного. Дескать, жизнен-

ные обстоятельства создадут множество разных связей между вами, и так или иначе семья будет создана, и все будет хорошо.

 Ветка сорванная в лесу весной, принесенная к квартиру и поставленная в бутылку с водой остается частью леса, но между вами притяжение только формально, то чего в реальности нет. Ты то, чего нет. Так можно смотреть на город побережье. Ты ясно видишь, как кто-то выходит на веранду, каменная плитка под ногами там горячая под солнцем. Видишь веранду в воображении, потому что никогда там не будешь, и мечты об этом лишь попытка оживить то, что равнодушно по отношению к тебе.

У Ирины Николаевны самым важным отличием было внутреннее отношение к мелочам. В квартире всегда должен быть идеальный порядок. Даже выстиранные и выглаженные салфетки должны лежать строго одинаково, и нарушение порядка вызывало яростное сопротивление. Павел Павлович сказал — у нее больная печень. Причем сказал это после того как Ирина Николаевна однажды слегла от злости, а потом вынуждена была уехать в санаторий лечиться. Чашка должна быть вымыта и поставлена на полку. А Павел Павлович видел в чаше недопитый чай, который можно доливать водой, досыпать заваркой, докладывать конфитюром бесконечно долго, неделями, и пить. Поэтому чашка должна быть на месте,

на кипе газет в комнате.

 В случае отторжения никакое искусственное построение не поможет найти общий язык. Такие проекты поиска общего языка можно равнодушно рассматривать, и не взяться ни за один, так как это лишено смысла. Память о том, что ты можешь быть другим, будет таять, как куча грязного снега. Ты потерял какую-то возможность, и уже в ту точку не вернешься. Не будешь стоять у стола с черешней. Поток листьев которые несет ручей, набирает силу. В бурных струях воды отдельные листья перестают быть заметны, и уже похожи на блики. И ты сам в потоке, некто не имеющий никакого сожаления.

В Москве они жили в разных корпусах. Когда Павел Павлович приходил к Ирине Николаевне в общежитие, Ирина Николаевна одевала светлое платье, темный пояс, туфли, стильно повязывала шарфом волосы. Ей очень шло. Они выходили гулять по бесконечным улицам Москвы. В том числе уходили в парки, в сад Эрмитаж, куда шли по бесконечным кварталам старой Москвы, которые и сейчас не изменились. Они проходили переулки у Шуховской башни, и выходили на набережную у Воробьевых гор. У Воробьевых гор могли провести всю ночь, спускаясь на набережную и далее уходя в Нескучный сад. Они проходили через Нескучный Сад и уходили в Горьковский парк, чтобы к рассвету оказаться на

Крымском мосту.

Они поехали знакомиться с родителями. Сначала отправились к родителям Павла Павловича, в деревню. Ирине Николаевне этот визит не понравился сразу, как только она приехала. Сразу стала ясно, что сойдя с автобуса нужно было еще топать целые километры по пыли до дома и никаких такси здесь нет и быть не может. Деревня, это бесконечный помет кур под ногами, плохо помытая посуда в холодной воде в тазике. Мыться нужно в корыте, без водопровода и без горячей воды. Невозможно никуда спрятаться. Невозможно просто куда-то уйти гулять, так как тебя окружает лабиринт переулков с заборами, за которыми всегда чужие внимательные глаза и собаки. Пыль, лужи и грязь. В доме всегда кто-то есть. Ты в комнате с кучей каких-то братьев, теток, дедов, бабок, и всем очень весело. Ей было крайне неуютно. Отец и мать Павла Павловича, как деревенские, люди не придали особого значения ее настроению.

Потом они навестили родителей Ирины Николаевны в Кишиневе, где и расписались. Павел Павлович первый раз оказался в трехкомнатной квартире, где туалет был прямо в квартире, и никто не плевал на пол, а за ужином не пили водку, и немного оробел. Для Ирины Николаевны потом, через много лет, когда уже пришла старческая деменция, этот эпизод выродился в память о том, как он убежал из квартиры, и

прятался два часа в лесу, где его нашли в кустах и вернули за стол. Отец Ирины Николаевны, как человек военный, сразу понял все. Павел Павлович другой, он многое не понимает и не поймет. Но полковник воспринял несовпадение между ними как должное, дескать переживали и не такое, жизнь заставит их прожить вместе.

После знакомства с родителями, они уехали жить на Донбасс. Павел Павлович уже получил распределение на завод, технологом, и Ирина Николаевна ехала вслед за мужем. Распределение было на завод поближе к его родине, в ближайшем городе к хутору. К тому хутору, где были мухи и собаки. Для Ирины Николаевны в этом было каке-то удивление.

 В реке надо быть рыбой, повисшей под листом кувшинки без единого движения. Понятия времени больше не существует, как будто яблоко начало падать в траву, и сонная жизнь закончилась. По тундре пасутся овцебыки. Как стая опавших листьев. На короткое летнее время одуванчиков. С моря поднимается ветер, и овцебык застывает как рыба в потоке. В потоке можно забыть себя, став одним из всех, никем. С тебя нет спроса, а значит есть полная свобода.

В семье Ирины Николаевны было две дочери. Вторая дочь, сестра Ирины Николаевны, могла купить пластинку, и часами по кругу слушать одну и ту же песню. Однажды Ири-

на Николаевна сняла пластинку с приемника, медленно вышла на балкон, и уронила пластику с пятого этажа, сказав при этом: -Ой, разбилась.

Сестры почему-то ненавидели друг друга, и это сохранилось неизменным в течение всей жизни. Ирина Николаевна называла Наталью не иначе как — ах, ваша любимая дочка, и так ее называла до самого конца.

В детстве Ирина Николаевна занималась в секции художественной гимнастики, даже получила какой-то разряд и сохранила выправку в течении всей жизни. Она рассказывала как к ним приходил тренер спортивной гимнастики, и говорил их тренеше: -Пришел на твоих девочек посмотреть, после моих лошадей.

В старших классах и в институте она много путешествовала по Молдавии, Крыму и горам Кавказа.

А Танюха уже позже уехала из Кишинева в Израиль. Как будто ее увели с переулков под платанами, увели за собой не спрашивая.

5

В Кишиневе в лаборатории, где проходила практика, начальницей была лихая еврейка. Через лабораторию, в старинном здании в центре Кишинева, где окна в толстенных стенах были в форме арок, шла вереница молодых девочек, которых Эмилия Марковна сама отбирала и направляла учиться в Ростов или в Москву, если кандидатка не оказывалась полной дурой, были и такие. В отделе кадров завода, где служил отец, Ирина Николаевна виделась с Юлей Шульгиной у которой был официальный диагноз шизофрения. Она была в десять раз умнее и энергичнее остальных вместе взятых теток в отделе, оставалась на рабочем месте в гулком помещении конторы до десяти-одиннадцати вечера, и утром приходила раньше всех. В больнице Юля лежала раз в год, но оставалась очень умной, много знающей и юморной, очень интересно, ничуть не заумно, всегда к месту рассказывала про живопись, так что можно было заслушаться. То есть вроде бы до этого жизнь предлагала много открытий и за каждым поворотом ждало что-то удивительное. То есть не то, что Юля была сумасшедшей, а она просто была умным, неординарным человеком, и знакомство с ней было как открытие чего-то удивительного. Впереди ждала Москва, или Ростов, или что-то еще.

В первые год-два после выпускного школьные товарищи еще не разъехались. Весь прежний школьный мир сохранил свой порядок, с которым они и не предполагали когда-либо расстаться. Поэтому компания, которая сложилась еще в школе, продолжала встречаться и вместе ходить в походы. Олег, бывший заводилой и раньше, к концу школы ходивший уже на республиканские мероприятия, продолжал собирать команду в походы, а остальные держались так, как будто обычай ходить вместе и не думал прекращаться.

Они собирались на вокзале, в походной одежде, с рюкзаками, термосами, палатками, лыжными палками. Нужно было встретиться, сложить вещи там где они не будут никому мешать, дождаться остальных, узнать расписание поезда или автобуса, поесть попить, сходить в туалет. Они ехали поездом, пересаживались на автобус где-то на дальней станции.

Потом добирались на попутках. В Крым, Абхазию, Кабардино-Балкарию. Все молодые, они не знали усталости, и каждое путешествие обещало открытие. Их не брало вино. Домашним вином угощали в деревенских домиках, где наливали из оплетенных бутылей. Оно не брало, так как молодой организм сжигал хмель. Обычно ходили в несложные походы, не требующие тщательной подготовки. Но иногда выбирали, даже и вполне серьезные маршруты, которых много было, скажем, в горах Абхазии. Маршруты, которые длились

по несколько дней без выхода к людям, через перевалы или по высокогорным районам.

 Шар обладает абсолютной формулой, к которой сводима форма любого объекта, по мере утрачивания индивидуальных особенностей. Такие особенности передают развитие этого предмета в его эволюции, а эволюция это отклонение от идеала. Молния как шар света, это сгусток радости, силы, концентрации бесконечных смыслов. Шаровая молния, это объект, про который никто ничего не знает. Абстракция, возникшая как синтез. Такой свидетель как струйка песка уходящего между пальцев в песочнице. Или опавший высохший лист. То есть лишь намек на свидетеля, которые ничего не скажут.

Они прошли подготовку, поэтому готовили рюкзаки тщательно. С собой, помимо сала и концентратов, брали еще лук и картошку. Это было не очень выгодно в плане полезного веса, но картошка и лук, даже понемногу добавленные в котел с концетратным супом делали его вдвойне вкуснее. Такой прием с удовольствием применялся в не самых сложных маршрутам, где килограмм лука в рюкзаке это уже не шутки. Но в принципе они по долгу находились в лагерях подготовки, где изучали страховку, как укладывать рюкзак, технику безопасности в горах и прочие премудрости туризма. Олег так организовывал, как будто все продолжали подготовку к

восхождению.

 Вино попав организм, вызывает свечение. Это продолжение слабо связанного с фактурой образа. Не может быть связи, кроме умозрительной. Шар, это то, где уничтожены индивидуальные особенности. Удалением личных особенностей достигает абсолюта. Достигает абсолюта в том смысле, что такая частная особенность воплощается и обретает жизнь лишь на время. Тот, кто ни с чем не связан, как абсолют. Вино, навес над столом, гости и хозяева, вареная курица и лаваш, и свет лампы уничтожающий окружение. Пример воплощения идеала в частном моменте.

У Ирины Николаевны остались фотографии из этих походов. Фотографии всегда мутные, с какими-то пятнами, или сами по себе очень маленькие, которые даже трудно было разглядывать. Так и должна сохраняться память, как указание на то, чего больше никогда не будет. Как Ирина Николаевна, в спортивных штанах, в свитере, в косынке повязанной на голове, оторвалась от чистки картошки, и улыбается в кадр. Или смотрит в сторону, и хорошо видно, что у нее тогда были короткие прямые волосы. Карточка с обязательной подписью на обороте, которая уже никому ничего не говорит, несмотря на название места, фамилию, инициалы и точную дату.

Студентам на стоянках дарили местные сыр, зелень, виноград, а однажды подарили живого барашка. В деревнях из тандыра доставали теплые лепешки. Путешественники вызвали искреннюю радость. Бабушки-хозяйки начинали незаметно суетиться, и на столе появлялись горы грубой, жирной, и очень вкусной пищи. Хычины политые маслом. Тушенная в котле баранина. Уют и счастье таких походов, неизбежно включающие предвкушение большой жизни, должен был быть, как казалось, подготовкой к чистому и насыщенному семейному счастью. Преддверие к полноценному существованию во взрослой жизни, тепло в котором они купались было прощанием с детством. А вот детство, которое уходило навсегда, и это не вызывало особой грусти.

Как воспоминание о том, чего больше никогда не будет, у Ирины Николаевны была история о том, как горцы хотели ее выменять на отару овец. Конечно, это было веселье в горах, на одной из стоянок с чабанами, где им поставили целый котел баранины тушеной с помидорами и красным перцем.

После путешествия они сходили с поезда, чтобы разъехаться по домам, с ощущением, что не увидятся больше никогда. Дальше ты в своем автобусе до дома уже будешь укладывать рюкзак, палатку, термос, скатку на багажную полку — только один, а остальные уже лишь кто-то из памяти, впереди только своя жизнь. И для многих такое предчувствие

окажется правдой. Олег распоряжался до конца, до последнего прощания, а потом уезжал первым, смотря вперёд, не оглядываясь, как будто расставаясь, он уже планировал следующую встречу, которая обязательно состоится.

Но такие встречи, разумеется, прекратились. Многие разъехались по стране, парни ушли в армию и их след потерялся на годы, со временем все завели семьи, появились дети, и почти все попали в ситуацию когда найти саму возможность для встречи стало очень не просто, так что об этом уже и не думали. Иногда пытались что-то организовать, но почти всегда эти встречи срывались. Лишь иногда, случайно встречались, так например в обеденном зале санатория в Лоо вдруг видели кого-нибудь из своих.

Уже потом Олег поступил в университет, бросил учебу и пошел в семинарию, стал священником, и довольно заметной фигурой в диссидентском движении. Однажды, уже в девяностые, Ирина Николаевна услышала про какого-то отца Георгия и с удивлением поняла, что речь идет про Олега. Рассказывал один знакомый, который был с отцом Георгием в одном храме, и так получилось, что им пришлось ехать обратно в Москву на одном такси. Отец Георгий обернувшись лицом к знакомому и живо спросил:

— Сидели?

Услышав отрицательный ответ отец Георгий тут же поте-

рял интерес к собеседнику, и дальше ехал как будто он один в машине, целеустремленно и собранно смотря перед собой.

6

Всем было ясно, что Павел Павлович покинет деревню.

 Если кто-то постучал в дверь, упало яблоко, треснуло стекло, пролетел и тут же стих ветер, все уже изменилось. Ты в другом измерении. Значение знакомого слова теперь ничего не значит. Сухой кусок мыла это опавший лист, и вот это бидон с водой, который не сдвинуть с места, потому что тяжелый. Вода капает с трубы. Раздается звон, который неизвестно, что значит. Звон комаров, плеск воды, блики света.

Поступив в заочный политехнический Павел Павлович оставался жить и работать в деревне. Павел Павлович странно смотрел как они пили водку из чайника на стане на полях, и ничего не говорил. На тумбочку возле кровати, и в шкаф, он сложил книги и тетради, и занимался по вечерам, расположившись на краю стола. При этом он подрабатывал в совхозе водителем. В Москву он ездил только на время сессии. Про тетради никто не спрашивал, но смотрели косо, не обсуждая это, как будто они лешие и водяные, а это росток нового, правильного, непонятного но губительного мира. Господи, да все все понимали как надо, хотя он уедет, а они останутся часть степи с татарником и чапыжником. Де-

ревенские в голову не брали и не стремились в город, хотя уже потом со своими детьми приезжая в гости, а со временем, к девяностым, все переехали в город.

По пути на ферму Павел Павлович часто сажал в кабину Антонину, незамужнюю, с сыном, которая в эту пору, рано утром, постоянно попадалась на дороге. Все началось с того, что он взял ее от самого дома, заметив еще в деревне, что она только отправляется в коровник. Потом уже она сама выходила заранее, одна проходила деревню, и подсаживалась к Павлу Павловичу уже дальше, в балке, по дну которой шла дорога, и где никто не заметит. Все конечно знали, но никто ничего не говорил. Не знал наверное один Серега, который женихался к Антонине.

Москва не произвела на Павла Павловича большого впечатления после службы. Это был просто еще один город. Домой он возвращался спокойно, без особой тяги к столице, как будто уже жил там, и столицу не покидает. По дороге домой Павел Павлович доезжал сначала до Миллерово, на Ростовском поезде, далее на автобусе, который нужно было ожидать на полустанке, и далее на попутках или пешком через поля.

Ближе к дому его встречал мир с лодками-плоскодонками возле каждой хаты, куда Павел Павлович погружался на ко-

нечной остановке, был другим. Это был мир тишины стариц, по осени открывающимися прозрачным льдом, ажурной тени на грунтовке вдоль реки, которая иногда подходила совсем близко к реке, или поднималась на косогор, откуда видно излучину и тот берег. Ломающиеся под дождем машины, запыленая спина агронома, плохие дороги. Время от времени вылетают поденки и образуют целые тучи над водой. В эти дни бесполезно ходить на рыбалку, вся рыба сытая. Падая в воду они образуют пух который хорошо видно в косых лучах. Как всегда его на подходе к дому встречал Серега, непонятно как узнающий о его приезде, и почему-то всегда имеющий время каждый раз маячить на дороге.

Для Павла Павловича все изменилось. Раньше, до этого, еще вчера, ты был связан с запахом пота от рубашки отца. Отец, это был тот, кто может поймать у родников и крепко выпороть. Или тот, с кем ездили на мотоцикле в магазин в соседнее село. Теперь это тот, кто-то на старой фотографии, с которым связана тоска в памяти и боль, и ничего больше. Да и отец на него реагировал уже как на чужого. Иногда Павел Павлович помогал Антону починить трактор, и не мог избавиться от ощущения, что тот говорит как с тем, кого нет.

<i> Закономерность пуха на воде. Картина может быть смята даже помышление о нем. Ты демиург, и можешь создавать миры. Дождь, головки цветов набирают воду. Вечер,

когда травы пахнут сильнее не покинешь. Некоторое соображение приходит на ум, как предостережение. Связь между воплощениями, такими как воплощение лягушкой в старом заброшенном пруду, звуком всплеска в тишине или пятном света на старом мячике будет. Кто-то совершает свободный полет. И там и там может быть найдено то, что в другом месте называется грех, и что, другими словами, является неясной причиной боли, а в русской традиции называется тоской. </i>

Павел Павлович дома все ещё был погружен в действия природы, как ребенок, то есть тот, кто сам является частью природы. Там, когда ты лезешь снимать зацепившийся за корягу крючок, разбегается туча водомерок. Перед этим были холодные дни, и на каждой коряге греется гадюка. Блестящие жуки рассыпаются по воде, между пятнами ряски и листьями кувшинок, пока он балансировал ставя сеть стоя на толстых корнях под водой. Тебе лишь по какой-то инерции кажется, что все по-прежнему. Но это не так.

Серега по прежнему приходил в гости часто. Приходил он по вечерам. Приносил водку, но пил умеренно, и по нему было было совсем не видно, что он пьян. Такие визиты были как само собой, словно он часть семьи. Однажды он, долго засидевшись, что-то такое сказал мельком, как будто не желая смущать товарища. Он имел ввиду, что он знает про

Павла и Антонину, но в этом нет ничего такого, пусть Павел не берет в голову, потому что, и он не лукавил, дружба важнее. Сказано было как байка, как междометие, как то, что не требует ответа.

Павел Павлович мог сгинуть в лесах вдоль тихого Дона. На самой границе степей. Вообще, поддавшись обаянию места можно было забыть обо всем, ради того того как по утрам выводить лодку из заводи среди клубов тумана. Можно служить не то истопником, не то лесником, и пить по ночам чай с Вием. Со временем Павел Павлович стал бы тем, кто неотличим от объекта природы, как коряга, карша, и сидел бы вечно с удочкой, которую привез дед с русско-японской с Наполеоном, на месте деда Тимохи, когда тот истает и раствориться среди кувшинок и поденок в косых лучах заката.

С Ириной Николаевной все было иначе. Ирина Николаевна была жителем республиканской столицы, и для нее обучение в московском институте было просто продолжением радостной, школьной рутины, когда все должно было быть радостно и открыто по отношению к тебе, когда под каждым кустом должен быть готов и стол и дом, с легкой руки Эмили Марковны.

Когда они встретились, для Ирины Николаевны одного взгляда было достаточно, чтобы все было решено. Не то что-

бы она сразу влюбилась, и решила выйти замуж. Не то чтобы она почувствовала что-то родное в нем, после чего уже не видела жизни без него. Дело в том, что сразу было ясно, что они будут вместе. Вместе, даже если они сами об этом не думают, и даже если оба этого не желают. И это как фатум, когда сделать с этим ты ничего не можешь. Теперь будет именно так, как велит этот выбор, уже сделанный кем-то за тебя.

Дед Тимоха скоро умер. Его похоронили в форме. Медалей оказалось столько, что он воевал, казалось, с русско-турецкой. Место на том берегу Дона занял Иаков, и кажется, даже в валенках Тимохи. В отличии от Тимохи Иаков брил бороду, открывая лицо в многочисленных морщинах, как кора дерева.

7

После института Павел Павлович получил распределение технологом, на завод, в одном из городков Донбасса на западе Ростовской области, почти на границе с Украиной. Все приграничные городки были такие, что неясно, где один городок кончается и начинается другой, и между ними ходил троллейбус, как будто дело было в одном городе, простирающимся на целый регион, неизвестно где начинающийся и где заканчивающийся. Может быть и нигде.

Павел Павлович и Ирина Николаевна посмотрели оба на ту самую бумажку с распределением, которая оказалась точно такой, какая и ожидалась. Павел Павлович и Ирина Николаевна собрались, и поехали жить. Вернее поехал оформиться и осмотреться Павел Павлович. То есть отвезти документы и выбить место в общежитие или снять жилье. После к нему приехала Ирина Николаевна из Кишинева, куда она уехала перед самым началом собственной жизни. Предприятие по распределению куда направили Павла Павловича, это был большой завод горнодобывающей промышленности который обслуживал угольную отрасль северо-востока Донбасса.

Павлу Павловичу помогали собираться всей семьей. Вер-

нее не помогали вообще, просто узнали как обыденную новость. Город был рядом, пару пересадок на автобусе, три часа на автобусе. Городок, куда Павел Павлович получил распределение, находился недалеко от Вешек. Ну как недалеко, километров двести по прямой, по дорогам это было километров триста. С учетом перекладных, это было день пути. Сначала надо было добраться до Каменск-Шахтинского, потом по большой дороге до Миллерово, где надо было поесть в столовой. Возле столовой всегда терся дедок в обоссаных штанах, который вечно приставал с разговорами к проезжающим с разговорами, при этом он никому не мешал, присаживался на лавку посередине площади по липой, и жестикулируя говорил, не требуя реакции. Тоже часто бывала вечная бабка похожая на ведьму, которая толкала людей у автовокзала, и складывала полученные копейки в бездонную торбу. В столовой, купив макароны с биточками и компот, сесть на пазик, и добираться уже до Вешенской, где ты сходил на границе села и идти около часа пешком уже до дома. Как будто Павел Павлович вышел во двор, и сейчас вернется потому, что дождь. Даже картошка не успеет остыть. Его даже никто не провожал на станцию, незачем, просто отец спросил:

— Поехал? Ну давай.

Как будто сказал:

— К вечеру не опаздывай.

Завод находился в той части Донбасса, что находилась уже

на территории РСФСР недалеко от границы. Граница между Украиной и РСФСР весьма прихотливо вилась по балкам, заходила в поля, села и дачные поселки, когда поселок был с этой, а единственный магазин или колодец уже с той стороны. Часто вилась по речкам с переброшенными навесными мостами, причем многие были еще со времен Сталина. Здесь все речушки назывались Каменка. На даче, уже обжившись, они ходили к речке, и пока Ирина Николаевна раскладывала лук, огурцы, помидоры, картошку, хлеб и яйца на пледах, Павел Павлович брал детей, и уходил с банкой через навесной мост, который прятался в ивах, на ту сторану, на Украину, где был ближайший колодец.

О границе не думали, лишь иногда, когда пазик проходил через городок с одноэтажными домами, с мостовой еще времен Гоголя, оставшейся неизменной после того как засыпали лужу, видели на площади какую-то яму, и самые умные поясняли детям, что они на пограничном пункте времен царской России, где были санитарные ямы для переходящего границу скота. Это было где-то там, на границе бывшей империи, в доисторические времена, и существенно это было в легендарные века, со времен когда здесь была холера.

Кроме завода городок имел еще и известный на весь союз текстильный комбинат, который занимал целый квартал, по размеру ничуть не меньший чем завод. Пролезая сквозь

дырки в заборе дети воровали на предприятии какие-то механизмы с пружинкой, очень похожий на выкидной нож. Перед комбинатом был старый карьер, где жили жабы. То есть, соответственно городок, имея два крупных предприятия союзного значения, был довольно развитым.

В городке было несколько школ. Школы обычно были окружены парком. Несколько детских садов, утопающих в зелени, так что детям казалось, что их каждое утро отводят за границу, и вполне естественно потом, вернувшись, обо всем подробно докладывать родителям. Ведь там все другое, начиная с тепла и света в раздевалке, которые тебя ожидали после рассветного мороза во время путешествия до ворот садика.

В городе были хлебозавод, кинотеатр, большой городской стадион, обширный и ухоженный парк, в котором росла не молодая поросль, а огромные раскидистые липы и дубы. Центральные бульвары города, с витринами магазинов, не отличались от улиц областной столицы. Разве что, в столице таких парадных улиц, с магазинами где над витринами были выложены надписи из запыленных плафонов Универсам, Гастроном, Хозяйственный, был целый район, а здесь это были всего три улицы.

<i> Представление о другом мире это сказка, память о

том, чего больше не будет. Такой образ хранит частицу тепла, иначе образ был бы списан в архив памяти. Вот как раз то, почему сохраняется тепло по отношения к тому, что никогда не повторится, и является загадкой. Может быть это мысль о том, чего не было. Образ того, что могло бы быть.

Городок находился в треугольнике, где проходили события Тихого Дона — Лисичанск Таганрог Новочеркасск. Тот же воздух, та же земля, те же тополя да акации. Переулки заросшие абрикосами и шелковицей, когда летом тротуар становился синим, из-за падающих ягод, которые тут никто не собирает. Для Павла Павловича все равно, из-за удаления чувствовалось, что ты родной дом покинул, по крайней мере так хотелось думать. Но все равно, атмосфера дона уже не ощущалась.

 Контакт с тем чего не было невозможен. Равнодушно наблюдаешь как выдуманный и ненужный образ обретает силу. Со временем соответствие чему-то далекому установить невозможно. Сознание стремится составить цельную картину, но не имеет к этому материала. Так видишь дорогу, ковыль, здание фермы, лошадь, и в обрывках впечатлений, которые рождаются в этих эпизодах пытаешься найти подтверждение, отблеск, след реального, или хотя бы вспомнить голос.

В центре был горный комбинат. В его документах, пылящихся с тридцатых годов в стопках на подоконниках контор зафиксирована земля шахт, окруженных горами терриконов отработанной породы, в которых вероятность внутреннего возгорания зависит от процентов содержания антрацита в отработанном материале, размеров отвала, длительности хранения, описанных в ГОСТах по безопасности горной промышленности. Мир механизмов, чертежей, схем, круглосуточно горящих фонарей предприятий, пачек документации которую никто не читает.

Завод был тоже часть этого. На заводе для Павла Павловича началось лишь ежедневное торчание в конторе, не вставая из-за стола, и в основном ничего не делая. Из безделия Павел Павлович иногда вставал со стула, и напялив думающее лицо совершал вояж по цехам.

<i> Можно вести призрачное существование, как тот кто спит или воображает. Ты только готовишься родиться. В любой момент пройти сквозь стену. С той стороны, где улица, не разобьешься, а продолжишь движение на уровне второго этажа. Кстати, тебе кажется, что там, с той стороны, где ты окажешься между стеной и тополем, и сможешь застыть там навечно. Над городом разлит призрачный рассветный свет и понятие времени дня там отсутсвует. Проснувшись, какое-то время ты будешь испытывать печаль, чувствуя, что мир из

сна навсегда недостижим. </i>

Для Ирины Николаевны новое положение — жены технолога в маленьком городке на юге Украины было несколько непонятно. Ирина Николаевна на кухне, в окружении банок с квасом накрытых тряпочками из марли, или на даче, где надо обрезать крыжовник, жечь прошлогоднюю траву, а обедать уходить на реку, дно которой неожиданно было не заиленное, а холодное и твердое, видимо из-за глины.

Когда обжились, совсем рядом был нашелся бакалейный. Продавщица в магазине делала все медленно, как будто до нее слова сначала долго доходили, потом она начинала шевелиться. Казалось, когда нет покупателей она совершенно неподвижна. Некоторые, кто рядом жил, с нею разговаривал о делах, она внимательно слушала, не забывая отпускать других покупателей, хотя обычно очередь останавливалась до завершения разговора.

Сам городок куда Павел Павлович получил распределение, несмотря на степную протяженность, когда казалось, что он нигде не заканчивается, на самом деле был очень маленький, и все было рядом, не разгуляешься. Через два квартала от их дома располагалась булочная. Дорога туда, это поход по асфальту, по тропинкам, под тополями, весной, когда тополь, кажется, окутан золотой пылью. Вот и весь город. То

есть он конечно огромный, но с удивление можно узнать, что другая улица относится к другому населенному пункту.

Ирина Николаевна впала в ступор на время. Общежите. Потом появятся дети, школа, мебель в квартиру — диван, кровать, стенка, ковры, телевизор на ножках. Покупать за раз и батон, и черный хлеб, и четыре булочки, чтобы ходить хотя бы не каждый день. Словом, возникали вопросы, невеселые мысли.

Ирина Николаевна и Павел Павлович быстро осмотрелись. В городе был кинотеатр, с просторным кинозалом, как будто построенным по академическим имперским канонам. Школа недалеко от дома. Больница с корпусами и моргом, в домах прямо возле их дома располагалась детская поликлиника, стекла в которой были раскрашены смешными рисунками зверей из мультика. Большой бульвар, как во всех провинциальных городах, выглядящий как аллея с картины художника. Хлебный магазин за углом, правда с местным, всегда плохо пропеченным хлебом, где в каждой буханке были комья сырого теста, овощной, где всегда пахло гнилью и продавали вкуснейший томатный сок, который можно было солить каменной солью, стоявшей тут же, в стакане с ложкой привязанной на бечевку. Мебельный, гастроном, рынок зелени, где местные бабки продавали помидоры и укроп, чуть в отдалении находился большой рынок. Их дом стоял в квар-

тале современных зданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.